

Материалы по свадьбе и семейно- родовому строю народов СССР

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М34

М34 Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 267 с.

ISBN 978-5-519-93059-8

ISBN 978-5-519-93059-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Некоторая часть этих материалов, которая относится преимущественно к новому быту, была опубликована, по вышеуказанному соглашению, ГИЗ'ом и Ленгиз'ом в виде шести сборников (50 печатных листов).

Основное же ядро материалов, к сожалению, до сих пор остается без опубликования. Предлагаемый сборник является первым почином по изданию материалов собственно-научных. Он относится к свадьбе и семейно-родовому строю у русских и туземцев.

Вслед за этим сборником последует второй, относящийся к религиозным верованиям русской деревни. Издание этого сборника устраивается по соглашению с ГИЗ'ом. Комиссия выражает надежду, что ей удастся в дальнейшем издать и другие отделы материалов, постоянно возрастающие в объеме и сложности.

Комиссия считает своим долгом выразить благодарность А. И. Рыкову, давшему возможность развернуть работу экскурсий, также Ф. Н. Петрову, председателю Главнауки, и А. И. Некрасову, заместителю заведующего Главпрофобром, содействовавшим изданию настоящего сборника.

В заключение Редакция считает долгом выразить свою признательность ассистенту Геофака Л. Г. У., П. А. Хохолко, за его помощь при приготовлении к печати и корректуровании настоящего сборника.

Новые материалы по свадьбе.

Настоящий сборник включает в себе часть этнографических материалов, собранных во время летних экскурсий студентов-этнографов б. Ленинградского Географического Института и Государственного Ленинградского Университета.

По характеру своему материалы — двоякого рода. Одни представляют собою ответ на специальное задание по тому или другому вопросу, другие — сведения, собранные попутно со специальными заданиями. Материалы первого рода обрабатываются каждым участником в отдельности, материалы второго рода, собранные многими десятками экскурсантов и заключающие в себе очень много ценных и редких фактов, классифицируются по темам, и каждая тема обрабатывается одним или несколькими из участников, как результат коллективной работы.

По содержанию своему собранные материалы в целом охватывают все области этнологии, материальную культуру, экономику, социальную жизнь, верования, брак и, в частности, свадьбу.

Для первого нашего сборника мы остановили свой выбор на материалах по свадьбе, как на институте особенно поучительном в научном и учебном отношениях.

Институт брака и ритуал свадьбы один из самых сложных культурных институтов. На низших ступенях, в том числе и в быту нашего крестьянства, брак отнюдь не дело частного порядка, но акт социальный, санкционируемый коллективом — родом у народов с родовой организацией, а в нашем крестьянстве группой родственников и отчасти и целым обществом. Это и акт социально-экономический. Коллектив участвует не только своей санкцией и своим участием в брачных церемониях, но и материальной

помощью — при родовом строе помощью жениху в уплате калыма, в позднейшей стадии — разными видами одаривания, трудовой помощью в приготовлениях к свадьбе и т. п. С другой стороны, свадебные пиршества отнюдь не пиршества брачующихся, а пиршества общественные, опять таки имеющие глубокие корни в родовом строе.

Далее, для самих участников брака это, с одной стороны, институт правовой и хозяйственный, обставляемый целым рядом гарантий юридических и имущественных, с другой — институт религиозно-магический, призванный охранять новобрачных от разных колдовских влияний, грозящих им в этот важный момент жизни, равно как гарантировать им плодovitость и благополучие на всю жизнь.

Наконец, свадебные церемонии сами по себе являются подлинной драмой, в которой роль каждого участника до мельчайших деталей регламентирована исконными, веками установленными обычаями.

Во всем этом сложном комплексе, заключающем множество обрядов — социальных, правовых, экономических, религиозных, магических и т. д., соединены в одном едином ритуале черты множества наслоений, идущих от самой глубокой древности и сложившихся под самыми различными историко-культурными влияниями.

Важность изучения этого комплекса для этнологии уже давно признана в науке, и, тем не менее, далеко не все стороны этого комплекса не только в деталях, но в общетеоретическом аспекте могут считаться окончательно выясненными и удовлетворительно объясненными. Даже вопрос об общей эволюции брачных норм еще до сих пор не вышел окончательно из области споров. Одной из главных причин этого положения дел служит то, что, несмотря на множество собранного материала, далеко не все необходимое собрано, а то, что собрано, до сих пор не сведено во-едино, да и собрано оно по большей части людьми не компетентными. Особенно дефектен материал по народностям СССР и, как это ни странно, даже по народностям славянским.

Таким образом, по отношению к институту брака и ритуалу свадьбы этнография все еще находится в периоде, если можно так выразиться, первоначального накопления, периоде собирания, и до тех пор, пока собирание будет

итти случайными одиночными усилиями, материал никогда не будет собран, ибо материал этот, в силу современной ломки старого строя, исчезает с катастрофической быстротой.

С этой точки зрения коллективные сборы массой хотя бы начинающих этнографов одновременно в самых различных местах представляются особенно ценным. Первые опыты этого рода, естественно, могут страдать соответственными дефектами, вызванными неопытностью, но с каждым годом исследования будут совершенствоваться, да и теперь уже собранные материалы являются очень ценными для науки. И если эта работа, как мы надеемся, будет продолжаться и впредь, то в течение немногих лет может быть собран исчерпывающий материал неизмеримой ценности.

С точки зрения учебной само собирание материалов по браку и свадьбе важно в том отношении, что в этом материале учащийся находит лучшую иллюстрацию теоретической этнологии, как в области социальной, так и духовной культуры. Такое же применение найдет этот материал в семинарских занятиях, где вновь собранные материалы в наиболее спорных вопросах комментируются руководящими преподавателями.

Перехожу к содержанию настоящего Сборника. Первая самая значительная статья „Северная Великорусская свадьба“ представляет сводку всех собранных лично экскурсантами сведений по северной Великоруссии. Ценность этой работы прежде всего заключается в том, что это первый и единственный в нашей литературе опыт систематизации материала по целому району. Впервые перед нами весь свадебный ритуал по каждому отдельному моменту, начиная со сватания и кончая послесвадебными процедурами, сведен во едино со всеми вариантами по каждому отдельному обряду, с указанием места его констатирования.

Эта работа важна прежде всего для начинающего этнографа, для которого этот классифицированный и детализированный материал явится подлинным методическим руководством для его самостоятельных исследований, уже не говоря о том, что она избавляет его от отыскивания материала по самым различным источникам. Но работа эта ценна и для исследователя-теоретика. Прежде всего она включает в себе не только

сводку фактов и ранее бывших известными, но и много фактов совершенно новых. Кроме того, огромное большинство фактов, хотя и известных ранее, ныне констатированы в целом ряде новых пунктов, так что исследователь имеет возможность на этом основании получить важные данные по географическому распространению каждого обряда.

К тому же надо принять во внимание, что основной старый материал, собранный у Шейна, относится к довольно отдаленному времени, вплоть до 50-х годов прошлого столетия, так что сравнение этого старого материала с аналогичным, ныне собранным, дает представление об эволюции института свадьбы за долгий период, дает представление о том, что отмерло и что и в какой мере сохранилось из старого и что возникло нового за это время.

Среди этих вновь собранных фактов есть крайне интересные с обще-научной точки зрения. Так, по вопросу о значении девьей красы, который до сих пор остается таким темным, находим такие любопытные факты: 1) Девью красу в виде кудели (косы из льна) в день рукобитья вывешивают на украшенной лентами веревке, которую натягивают от дома невесты до соседнего дома; 2) эту самую кудель сожигают за несколько дней до свадьбы; 3) девью красу в виде елочки в доме невесты соединяют посредством нитки с домом жениха; наконец, 4) вода, в которой мылась невеста, смывая девью красу, употребляется для изготовления обрядового печения. Эти факты, которые сразу могут показаться ничем не связанными между собою, в действительности, если сопоставить их с различными причитаниями о девьей красе, дают полную возможность раскрыть не только синкретическую природу этой концепции, но и картину эволюции каждого из элементов этого сложного комплекса, источник которого кроется в магио-анимистических представлениях самого примитивного свойства ¹⁾.

Из других новых фактов обращаем внимание на следующие: 1) Обряд хлестания мотком ниток сватов при отправлении в путь „для удачи“, — обряд того же порядка, что так наз. *ligamenta* в Риме и Греции, или повязки невесты

¹⁾ Анализ этой концепции требует специальной работы, которую надеемся дать в одном из выпусков нового журнала „Этнография“.

мотком ниток, заменяющим в некоторых местах Индии так наз. tali; 2) обряд выбрасывания женихом по пути в церковь колец, серег и т. п. предметов, полученных на беседках, из опасения завораживания его отвергнутыми девицами посредством этих предметов. Обряд этот бросает свет на магическое значение так наз. „залогов“, которыми обмениваются парни и девицы, очевидно, как орудиями взаимного магического влияния друг на друга. 3) Обряды, связанные с животным культом, как поднесение „коня“ (фигурка лошади) к „княжьему“ столу в момент разрезания пирога; обряд выступления с эротическими песнями ряженных на 4-й день после свадьбы, причем дружка наряжается петухом, — обряд, который практикуется и в современной Швеции; троекратное набрасывание на невесту шубы и стряхивание ее на предмет очищения от злых духов и т. д.

Место не позволяет нам вдаваться в объяснение этих новых, как и многих старых обрядов, которые до сих пор остаются необъяснимыми, но уже одно констатирование их представляет научную ценность для всякого интересующегося институтом славянской свадьбы.

Кроме сводной работы о Северной Великорусской свадьбе, имеется особая статья, посвященная описанию индивидуальной свадьбы, наблюденной в Моршанском уезде Тамбовской губ. Несмотря на то, что в этом месте население, по крайней мере молодежь, в настоящее время довольно пренебрежительно относится к старому ритуалу, тем не менее и в том, что сохранилось, — а сохранилось очень много, — мы находим крайне интересные архаические черты, некоторые впервые констатируемые. Отметим некоторые особенно любопытные. Прежде всего интересно, что до сих пор сохранился, в виде переживания коллективной религиозно-сезонной свадьбы, обычай приурочивать все свадьбы к определенному дню, именно к 8 ноября, Михайлову дню (местный престольный праздник). В старину это было, повидимому, общеобязательно, но и теперь большая часть свадеб, в том числе и гражданские, приурочиваются к этому дню.

Далее, здесь выступает особенно рельефно выдающаяся роль старшего брата. Это он в роли дружки вместе со своей женой является распорядителем пиршества. У него же выкупают невесту перед отъездом к венцу. Совершенно исклю-

чительную роль здесь играет институт „позыватых“, которыми с женской стороны являются сестра жениха и сестра невесты. Этот институт, имеющийся в Орловской губ. (звальщики) и в Малороссии, повидимому, здесь существует с давних пор, сохранив крайне архаические черты. Об этом свидетельствуют и характерные ритуальные костюмы и особенно специфический атрибут — специальные посохи, напоминающие не то жезлы герольдов, как у примитивных народов, не то обрядовые палки дружек у белоруссов, которым Довнар-Запольский приписывает фаллическое значение. Роль позыватых — приглашать девиц на пир. В этой функции характерна одна особенность. Они обязаны обходить все дома, в которых имеются девушки, хотя бы совсем малолетние, — особенность, приводящая нас к древней организации в примитивных обществах представителей каждого пола в особые союзы, в данном случае союзы девушек. Подобные союзы донны сохранились на Западе с особыми „королевами“ выборными на каждый год, и в Малороссии с атаманами и атаманками для каждого пола.

Еще более архаичен обычай выставления „мнимых“ женихов вместо настоящего. Когда позыватые являются в дом жениха, они должны вызвать жениха, но вместо жениха в течение долгого времени выступают всевозможные лица, рекомендуемые женихами, пока, наконец, жениху ничего не остается, как явиться самому. Точно также в этой свадьбе фигурирует и замаскирование невесты среди нескольких покрытых подруг. Этот обычай, выродившийся теперь в шуточную церемонию, некогда носил совершенно серьезный характер, служа средством защиты молодых от дурного влияния завистливых, злых духов. У чувашей до сих пор на свадьбе фигурируют по этой причине наряду с настоящим женихом еще два (так наз. „три жениха“). В Индии, в Малабаре, до сих пор -- во время свадебной процессии дружки (двое, как у чувашей), сопровождающие жениха, одеваются в такие же одежды, как жених, чтобы последний не был узнан. Это обычно объясняют тем, что нужно скрыть жениха от кузена невесты, от которого он должен откупиться ¹⁾).

¹⁾ Edgar. Thurston. Madras Government Museum. Bulletin. Vol. IV. № 3. Some marriage customs etc. p. 140.

В действительности жених замаскировывается от влияния злых, завистливых духов, точно так же как в европейском обряде жених и невеста во многих случаях переодеваются с этой целью в одежду другого пола. Из других магических средств для охраны интересно отметить насыпание хмеля и мака за пазуху „от лихого человека“.

Любопытно, далее, участие верховых (вершников), сопровождающих свадебный поезд, обычай, чуждый великорусской свадьбе и, наоборот, обычный в малороссийской.

Отмечу, далее, крайне старинный и архаический обычай выпрашивания „позыватыми“ от жениха для невесты лаптя (повидимому, стоит в связи с ролью старой обуви в брачных обрядах: в Англии, напр., забрасывают новобрачных старой ношенной обувью). Об этом лапте невеста даже причитает во время мытья в бане: „Достался ла(о)поть, весь век не слопать“. Исключительный интерес представляют обрядовые хлеба. Их три: 1) каравай, 2) „курник“ и 3) „пирушка“. Первый, изготавливаемый в доме жениха, интересен тем, что, при сажании его в печь, туда ставят с ним рядом две зажженные свечи и потом везут его в церковь (жертвоприношение), причем сажание в печь производится теткой и ее мужем. К сожалению, автор описания не выяснил, что это за тетка — сестра матери или сестра отца. Вероятнее всего, что первоначально, по крайней мере, это была сестра отца, ибо при перекрестном кузенном браке, некогда бывшем едва-ли не универсальным институтом и следы которого сохранились в родственных названиях многих народов и в СССР, сестра отца играла важную роль в свадебных обрядах, как мать невесты. В Меланезии, например, до сих пор сестра отца играет решающую роль даже при выборе невесты. Другой вид обрядового хлеба — курник — многоэтажный пирог из черной муки с пшенной кашей и неочищенными куриными яйцами (отсюда название „курник“), увенчивающийся двумя головками из теста, изображающими жениха и невесту, — повидимому, служит средством приобщения жениха и невесты к плодовитости. Любопытно, в связи с этим, прибавить, что куриные яйца играют совершенно исключительную роль в свадебном обряде этого места. Яичница — обрядовое угощение до свадьбы, когда жених на „побывке“ у невесты, и после свадьбы, когда

жених навещает тещу. Третий вид, так наз. пирушка — два хлеба с запеченными в них серебряными монетами. Эти хлебы даются жениху и невесте по присезде из церкви, и они должны съесть их, обязательно обмениваясь ими, — настоящий обряд *confarreatio*, завершающий обряд церковный. Наконец, отметим роль сырой свиной головы, украшенной лентами, которую ставят на стол перед женихом и невестой после приезда из церкви и во все время послесвадебных празднеств. Любопытно, что в современном народном сознании ясно сохранилось, как сообщает автор описания, представление о свиной голове в связи с плодovitостью и материальным благополучием.

Кроме упомянутых больших статей о великорусской свадьбе имеются два небольших сообщения, которые заслуживают внимания. Одно из этих сообщений (Д. Травина) включает в себе описание особой девичьей игры у старообрядцев на Печоре. Игра эта, несомненно, обрядовая и связана со свадьбой, ибо устраивается она в определенный сезон по праздникам в течение великого поста до Пасхи и при том исключительно девушками, а это, равно как и выбор места для игры — дорога, а не селение — также говорит за обрядовое значение игры. В этой игре, напоминающей обычную игру в городки, характерны две особенности: 1) роль городка играет так наз. *бача*, представляющая из себя конус, острым концом соединенный с шаром — по видимому, представляющий фаллический символ, соединение мужского и женского элемента и 2) самые палки, которыми целются в бачу, т. наз. *бачевые палки*. Каждая девушка играет только своей палкой, которая является специальным даром парня, за ней ухаживающего, и им самолично изготовляется, притом, как дар, такая палка бывает тщательно вырезана или выточена и раскрашена в разноцветные узоры. В Музее Антропологии и Этнографии имеется большая коллекция этих обрядовых палок самой различной выделки и окраски, и все они заострены в конце. Палки эти, несомненно, здесь играют роль любовных „залогов“. Но каково значение обрядовой игры этими палками, собиратель, к сожалению, ничего не сообщает. Данные сравнительной этнографии могут пролить некоторый свет в этом вопросе. Вот несколько параллелей из Индии.

У племени Nayadi на Малабарском берегу выдача замуж девушек происходит следующим образом:

„Девушка, которая желает найти себе жениха, помещается в особо устраиваемом свадебном шалаше, прикрытом листьями. Вокруг этого шалаша собираются молодые люди и женщины селения, образуя круг. Отец девушки или его ближайший родственник усаживается на некотором расстоянии с бубном в руке и поет следующую песнь:

Лови ты палку, сладчайшая дочь моя,
Лови ты палку, любовь дражайшая.
Если не поймашь того, кого ты желала своим мужем,
Помни, что судьба решает, кто тебе достаться должен.

В это время все молодые люди, желающие жениться на этой девушке, вооружаются каждый особой палкой и начинают плясать вокруг шалаша. По окончании пляски, которая продолжается около часа, каждый кандидат в женихи бросает свою палку через листву в шалаш. Девушка из этих палок выбирает одну, и собственник выбранной палки становится мужем спрятанной в шалаше девушки¹⁾.

В русской игре палками попадание, повидимому, является и способом гадания, и магическим средством для укрепления симпатии возлюбленного и выхода за него замуж.

В Индии же палки играют роль в свадебных обрядах в самой различной форме. Так, в некоторых местах Мадраасской провинции обряд венчания справляется посредством палки, посланной женихом и устанавливаемой на месте последнего в свадебном шалаше. В Малабаре среди черуманов (крепостного земледельческого населения) во время свадебного шествия процессия время от времени останавливается, и мужчины затевают игры палками, а женщины поют хором: „Станем смотреть на палочную игру (paditallu), о черуманы“²⁾.

Из совершенно новых фактов по свадьбе отметим еще любопытный свадебный обряд, наблюденный студ. Корачевской в Полтавской губ. После свадьбы родители жениха приносят в дар матери испеченную из теста фигурку пряжи, а отцу невесты такую же испеченную фигурку боченка (барилу), подчеркивая в сопровождающих обращениях,

¹⁾ Thurston, op. cit, 153.

²⁾ Ibidem, 144, 146.